

Микеланджело

1

Сравнивая фламандскую живопись с итальянской, Микеланджело отвлекается и объясняет почему художники так необщительны.

Я даже испытываю смущение, когда Его Святейшество спрашивает меня, почему я так редко с ним вижусь.

В течение трех десятилетий – с 1534 по 1564 – не было в Риме человека, общение с которым ценилось бы столь же высоко, как общение с Микеланджело. Но не было во всей Италии и человека, включая Папу Римского, с которым было бы так трудно встретиться. Поглощенный своими гигантскими художественными замыслами, Микеланджело предпочитал уединение всему остальному. Словно загнанный зверь он противился любому посягательству на его время и работу. Он решительно отвергал все попытки римского общества сблизиться с ним, и мало кто осмеливался праздно заговорить с ним во время его ежедневных прогулок по улицам Рима, на пути к Сикстинской Капелле. Рим гордился этим нелюдимым и угрюмым затворником, почитая его на расстоянии. И однако принцы, поэты и художники, оказывавшиеся в Риме, искали всяческие способы лично засвидетельствовать свое почтение этому величайшему из художников, которого все величали «божественный». Многие из них искали посредничества Папы Римского, но даже его Святейшеству, как бы ни упрекал он Микеланджело в необщительности, редко удавалось увидеться с одиноким гением, который в течение семи лет ежедневно трудился в Сикстинской Капелле над своей умопомрачительной фреской «Страшный Суд». Однажды, Микеланджело даже прямо сказал Папе Павлу III, что, работая, он принесет ему больше пользы, нежели праздно проводя время в его почтенном обществе. Ни один человек в Риме не посмел бы себе произнести такую вольность. Но Папа Римский его понял. Микеланджело получил полную свободу прославлять в искусстве их общую веру, и его восторженный поклонник строго-настрого запретил кому бы то ни было нарушать то уединение, которого художник так жаждал.

Все глубже и глубже погружаясь в необъятную концепцию Гнева Господня, Микеланджело отошел от мира. Всю свою жизнь он не

прекращал трудиться, и не один город был удостоен мраморными и живописными мемориалами его гигантских работ. В 1539 году, в возрасте 64 лет, он достиг славы и поклонения, которых хватило бы на десятилетия. Однако оглядываясь на прожитые годы, Микеланджело мрачнел душой. Он страдал от предательств и множества интриги, он познал мимолетность любви, он видел, как погибают люди в их безумной погоне за властью. Но на протяжении всей своей жизни этот самый почетный гражданин Рима любил только один город – Флоренцию, которую он когда-то защищал, будучи главным инженером ее военных укрепления только затем, чтобы увидеть потом, как она пала жертвой тиранов. Работая над своей колоссальной фреской в Сикстинской Капелле, Микеланджело испытывал тяжелую душевную усталость, и тема «Страшного Суда» как нельзя лучше отвечала его состоянию.

Но в 1539 году, когда мрак и уныние все больше охватывали его, в жизнь Микеланджело вошла Виттория Колонна. Сама талантливый поэт и патронесса искусств, она переехала из Феррара в Рим, чтобы оказаться как можно ближе к официальному миру ее веры. Будучи вдовой уже четырнадцать лет, она по-прежнему скорбела по своему возлюбленному Маркизу де Пескара, скорбела и, демонстрируя свою преданность, посвящала ему бесконечный поток сонетов,. Только вмешательство Папы Римского не позволило этой самой одаренной женщине времен Ренессанса подстричься в монахини. Виттория была дружна со многими выдающимися итальянскими поэтами и гуманистами, и Микеланджело стал одним из ее многочисленных корреспондентов. Впервые они встретились в Риме, и между ними завязалась величайшая дружба, которая длилась до 1574 года, когда Виттория умерла. Очарованный острым умом и широчайшей образованностью этой женщины, художник переменился. Находясь в ее обществе, стареющему отшельнику открылись в жизни новые горизонты, и на смену угрюмой горечи пришла нежность. В возрасте 64 лет Микеланджело стал возлюбленным, сочиняющим страстные сонеты обращенные к женщине, которая сама считалась непревзойденным мастером любовной поэзии. Разумеется, возлюбленным он стал чисто платоническим, потому что Виктория, хотя ей и не удалось получить разрешение стать монахиней после смерти мужа, превратилась в таковую фактически, как телесно, так и духовно, и после ее ухода из жизни Микеланджело оплакивал Витторию так, словно он потерял сразу все: жену, любовницу и друга. «На нее, преисполненный верностью и глубоким почтением», писал Сидни Ковлин, «он изливал все богатство своего ума и всю заключенную в нем мощь нежности и преданности». Находясь вдвоем, они обсуждали поэзию и живопись, идеалы Платона, и тему Бога. Наконец-

то, этот печальный и одинокий Титан раскрылся. В присутствии Виттории, мрачный Микеланджело, никогда не менявший суровое выражение лица, научился даже смеяться! И если во всей Италии и был человек, который мог бы, хотя бы на мгновение, занять место маркиза в ее мыслях и сердце, то им был именно этот одаренный небесами художник. Однако в нежности, которую испытывала Виттория по отношению к нему, сквозило и нечто материнское: Микеланджело, с его неприветливостью и нелюдимостью, часто казался ей просто застенчивым, несчастным ребенком.

Как и Папа Римский Павел до нее, Виттория научилась никогда не мешать работе Микеланджело. И, подобно Папе Римскому, она оберегала его от назойливого мира. Но мягкосердечная женщина по своей натуре, она иногда уступала мольбам людей, страстно желавших встретиться с великим мастером. В таких случаях, выполняя настойчивые, но деликатные просьбы посланника или кардинала, Виттория умело устраивала так, что Микеланджело оказывался в назначенное время в назначенном месте. В 1539 году этим местом почти всегда становилось ее полу отшельническое прибежище в Monte Cavallo, где она поселилась из-за его близости к церкви Святого Сильвестро, в которой ее друг Фра Амброджио из Сиены, часто читал проповеди на библейские темы. Жилище Виттории находилось в саду, где можно было спрятаться от жары. Многие великие итальянские художники и писатели, выказывая свое почтение этой благосклонной царице литературы и светского Рима, наносили ей туда целомудренные визиты, .

Нет сомнения, что именно в этом укромном месте сиенский посол Латтанцио Толомей однажды представил Виттории португальского художника Франческо д'Олланда. И, по всей вероятности, именно там д'Олландо впервые встретился с Микеланджело. В то время португальцу было всего двадцать лет, и вел он себя дерзко и вызывающе, но за это, как мы убедимся позже, мы должны ему быть безусловно благодарны. Познакомившись с Микеланджело, Франческо только и думал о том, как бы ему снова увидеться с великим человеком. Двойная преграда – его работа и его характер – окружавшая Микеланджело, казалась непроницаемой. Но на свою удачу португальский юноша пришел однажды в воскресенье навестить своего друга Латтанцио. Слуги сказали ему, что Латтанцио вместе с Маркизой де Пескара отправился в церковь Святого Сильвестра послушать проповедь Фра Амброджио о посланиях Святого Апостола Павла. Предвкушения удовольствия, которое и он несомненно получит от полезной лекции, Франческо, не теряя времени, устремился за своим другом в Монте Кавалло, и в результате этого поступка, мы стали обладателями четырех диалогов о Живописи, которые Франческо записал, как свидетельство

нескольких бесед с Микеланджело и Витторией Колонна в тенистом саду Сан Сильвестро.

По неизвестным причинам эти Quatro Dialogos sobre a Pintura лежали похороненные в Лиссабонских архивах в течение трех веков, пока их не извлекли оттуда и не открыли всему миру. никоим образом не являясь законченным продуктом практикующего литератора, эти Диалоги, если довериться памяти Франческо, раскрывают многие литературные и художественные проблемы Римского Ренессанса и дают нам живое представление о характере самого Микеланджело. Поистине, чудесно наблюдать, с каким почтением художник относился к Виттории, и не столь важно удалось ли этому молодому и самонадеянному португальцу уловить суть отношения Виттории к великому флорентинцу, но в самом тексте переданы некоторые интересные наблюдения. Судя по стилю изложения Диалогов и по тем сонетам, которыми обменялись между собой Виттория и Микеланджело, ни один из которых Франческо разумеется не видел, многие пассажи в Диалогах звучат абсолютно достоверно, и нам становится очевидно, что итальянцы времен Римского Ренессанса были многословны. Возможно, такое впечатление создано за счет бойкого пера Франческо, но не исключено и то, что в то время было вполне уместно загромождать разговор бесчисленными фактами и прописными истинами. Мы, несомненно, далеко ушли от подобного словесного обмена эрудитов, но, как бы то ни было, диалоги Франческо – также как и запись разговора сделанная Донато Джаннотти – являются образцами римских бесед шестнадцатого века и его легендарного гражданина номер один. «Нам крайне редко дается возможность приблизиться к великому гению в моменты его высочайшего вдохновения», пишет Ф. Дж. Белл в его тщательно продуманном предисловии к собственному переводу этих Диалогов с португальского. «Короткие диалоги д'Олланда сумели сделать именно это...». Можно удивляться художественному шовинизму великого человека, но нельзя остаться равнодушным, слушая его красноречивое рассуждение о приверженности художника своему кредо.*

Однако, прежде чем вернуться в церковь Святого Сильвестр, давайте проследим перемещения по городу самого Микеланджело в тот день. В сопровождении Урбино, смесителя красок, художник выходит из дома, расположенного между Квириналом и Капитолием и направляется в сторону улицы Эсквилина. По всей вероятности эти двое увлеченно обсуждают детали завтрашней работы в Сикстинской Капелле. Неожиданно их догоняет посыльный от Виттории. Микеланджело узнает,

что Маркиза Виттория приглашает художника составить ей компанию в Монте Кавалло. Микеланджело с другом движутся как раз в этом направлении.

В то же самое время, находясь в церкви Святого Сильвестро, Франческо дожидается, когда Фра Амброджио закончит свою замысловатую лекцию о значении посланий Святого Павла. Стоит полуденная жара, и молодой португалец мечтает посидеть в прохладном саду прилегающем к церкви. Фра Амброджио заканчивает проповедь. Маркиза приглашает Франческо и других присоединиться к ней в саду. Она проникательно подозревает, что молодой художника надеялся встретить среди слушателей Фра Амброджио также и Микеланджело. Виттория садится на одну из садовых скамеек, любезно предлагая Франческо и Латтанцио сесть рядом с ней...

Виттория: Я полагаю, что Франческо д'Олландо с большим удовольствием послушал бы размышления Микеланджело о живописи, нежели проповедь Фра Амброджио о посланиях Святого Павла.

Франческо (*несколько уязвленный*): Ваша Светлость очевидно считает, что меня интересует только живопись, и что ни о чем другом я не имею понятия. Честно признаться, я всегда готов слушать Микеланджело, но, когда заходит речь о посланиях Святого Павла, я предпочитаю выслушивать Брата Амброджио.

Латтанцио: Не будь таким обидчивым, Франческо. Синьора не хочет сказать, что человек, который увлечен рисованием, не способен понять ничего другого. Мы, итальянцы, более высокого мнения о живописцах. Она возможно подумала, что после прослушанной проповеди, ты не отказал бы себе в удовольствии послушать также и Микеланджело.

Франческо: Если Ее Светлость имела в виду именно это, то ее предложение столь же благосклонно, как и все, что она делает, всякий раз доставляя нам удовольствие, которое превосходит все наши ожидания.

Виттория (*улыбаясь*): Надо уметь доставлять удовольствие тем, кто умеет благодарить... (*подзывает одного из слуг*). Сходи, пожалуйста, к Микеланджело и передай ему, что синьор Латтанцио и я находимся сейчас в этой прохладной часовне, и что церковь закрыта, и что сидеть здесь нам очень приятно. И не ни слова о том, что среди нас находится португалец Франческо д'Олланда.

(Франческо шопотом делает замечание Латтанцио о том, насколько Виттория тактична и деликатна в «малейших делах».)

Виттория: О чем вы шепчетесь?*

Латтанцио: Он поражен, насколько Вы тактичны, даже в поручениях такого рода. Микеланджело действительно старается избегать встреч с синьором Франческо д'Олланда поскольку он знает, что, как только он заговорит с ним, ему уже будет не остановиться.

Виттория: Я тоже так подумала, зная Микеланджело... Лично мне крайне редко удается вызвать его на разговор о живописи.

Брат Амброджио: Я очень сомневаюсь, что Микеланджело вообще согласится говорить сегодня о живописи, зная, что португалец и сам живописец, Я думаю будет лучше, если Франческо спрячется до прихода Микеланджело, и тогда он услышит все, что тот скажет.

Франческо *(с некоторой обидой)*: Португальцу не так-то легко спрятаться от глаз Микеланджело. Даже если я спрячусь, он все равно заметит мое присутствие лучше, чем это сделали бы вы, стой я прямо перед вами, а вы носили бы еще и очки. Вы сами в этом убедитесь в этом, когда он придет.

(Виттория и Латтанцио смеются... После недолгого молчания слышен стук у ворот. Это Микеланджело, которого посыльный от Виттории застал на улице Эсквилина разговаривающим со своим другом и смесителем красок Урбино. Входит Микеланджело. Виттория поднимается ему навстречу и замирает на некоторое время, прежде чем предложить Микеланджело занять место между ней собой и Латтанцио. Франческо пересаживается чуть поодаль. Виттории начинает беседовать на разные темы, не имеющие отношения к живописи. Наконец, она убеждается, что Микеланджело находится в хорошем расположении духа.)

Виттория: Общеизвестно, что в интеллектуальном споре с Микеланджело всякий будет посрамлен, ибо интеллект это его стихия. Единственный способ победить Микеланджело и заставить его умолкнуть это заговорить с ним о судебных процессах и... о живописи.

Франческо *(выступая вперед)*: Я не знаю лучшего способа добиться этого, чем дать ему знать, что здесь нахожусь я, ибо до сих пор он меня не заметил. *(Обращаясь к Микеланджело.)* Я всегда был уверен, что единственный

способ помещать Вам увидеть какой угодно тривиальный объект это поместить его прямо перед Вашими глазами.

Микеланджело (*удивленно повернувшись к Франческо*): Пожалуйста, растите меня, синьор Франческо, я Вас не видел. Я смотрел только на синьору. Но поскольку Вы здесь, Вы должны помочь мне как коллега.

Франческо: Вы дали мне самый блестящий повод Вас простить, однако мне кажется, что, излучая свет, синьора подобно солнцу производит также и обратный эффект, ибо солнце своими лучами не только расплавляет предметы, но и делает их еще тверже. Короче говоря, в присутствии синьоры Вы становитесь слепы ко всему окружающему, тогда как я могу увидеть Вас исключительно в ее присутствии. Я не сомневаюсь, что, находясь в обществе Ее Светлости, всякий умный человек будет испытывать столь сильное наслаждение, что у него не должно остаться времени заметить своего ближнего.

(Брат Амброджио встает, церемонно прощается с Маркизой, желает собравшимся всего хорошего и уходит.)

Виттория: Его Святейшество был настолько добр, что позволил мне построить поблизости новый конвент прямо на склоне Монте Кавалло, совсем неподалеку отсюда, на том самом месте, кстати, где стоит разрушенная галерея, с которой Нерон наблюдал, как горит Рим. Возможно поступь гордых женщин уничтожит последние следы этого порочного человека. Однако, я не знаю, Микеланджело, какую форму придать этому зданию, и какого оно будет размера, и даже, где устроить в него вход. Вам не кажется, что есть возможность сохранить часть старой постройки при строительстве новой?

Микеланджело: Абсолютно! Разрушенную галерею можно использовать под колокольню... Я не сомневаюсь, что конвент можно будет построить безо всяких проблем. Если Ваша Светлость пожелает, мы можем взглянуть на этот склон, когда будем расходиться, и я смогу Вам что-нибудь посоветовать.

Виттория: Я не осмелилась бы попросить Вас об этом, но теперь я понимаю, что слова нашего Господа “*Deposuit potentes et exaltavit humiles*”, всегда верны. Вы, Микеланджело, наделены достоинством быть разумно щедрым, но не бездумно расточительным. Теперь понятно, почему Ваши друзья ставят Вашу добродетель выше ваших творений. Те, кто знает о Вас только по трудам Ваших рук, знают менее совершенное в Вас. Для меня, Ваше стремление изолировать себя, нежелание участвовать в наших пустых

разговорах, и Ваш отказ рисовать портреты многих принцев по их просьбам, заслуживают не меньшей похвалы, чем созданный Вами шедевр своей собственной жизни.

Микеланджело: На мой взгляд, синьора, Вы оказываете мне больше чести, чем я того заслуживаю. Но поскольку Вы затронули эту тему, позвольте мне выразить мои претензии к обществу от имени себя самого, некоторых других художников с похожим характером, и от присутствующего здесь мастера Франческо. Из сотен ложных поношений в адрес великих художников чаще всего их упрекают в эксцентричности и необщительности. На самом деле, синьора, художники очень человечны. Но глупцы постоянно настаивают на том, что они фанатичные и капризные эксцентрики. Это совершенно ложное представление о подлинной натуре художника. Несомненно, в некоторых отношениях художники своеобразны, особенно у нас в Италии, где живопись достигла такого совершенства. Но не слишком ли это много требовать от таких мастеров, поглощенных своей работой, чтобы они теряли время, следуя социальным нормам общения? По правде говоря, совсем мало кто из художников практикует свое ремесло достаточно сознательно. Люди поступают несправедливо, считая гордецом и бирюком любого искреннего художника, у которого есть всего одно желание, чтобы его оставили в покое и не мешали ему творить. И если такой человека кажется неприветливым и неучтивым, то это не от высокомерия. Чаще всего причина такого поведения в том, что вокруг него мало людей, с кем он мог бы обсудить свое искусство. И потому, вполне естественно, что он ненавидит пустые разговоры, которые способны отвлечь его от глубокой концентрации необходимой для работы. Я должен признаться Вашей Светлости, что я даже испытываю смущение, когда Его Святейшество спрашивает меня, почему я так редко с ним вижу. Я искренне полагаю, что, проводя время в своем доме, я приношу ему больше пользы, чем если бы я находился в его обществе. Я даже сказал Его Святейшеству, что предпочитаю работать на него по своему, нежели стоять целыми днями в его присутствии, как это делают многие другие.

Франческо: Вы счастливый человек, Микеланджело! Папа Римский единственный повелитель в мире, который простил подобное оскорбление!

Микеланджело: Всем властителям следует позволять подобное оскорбление. И странно, что именно те важные заказы, над которыми я работаю, помогли мне осознать свою независимость. Случается, что в разговоре с Папой я настолько забываюсь, что надеваю на голову свою меховую шапку и продолжаю говорить еще свободнее. Он не казнил меня за это. И даже

наоборот: он предоставляет мне полную свободу, и именно тогда мое сознание служит ему лучше всего... Разумеется, среди нас можно найти и глупца, который предпочитает одиночество ради одиночества. Он готов пожертвовать своими друзьями и настроить мир против себя, следуя бесцельному желанию оставаться наедине с собой. Такого эксцентрика нельзя оправдать. Но если работа, или жизненные обстоятельства вынуждают человека жить в уединении, и если такой человек просит от мира, чтобы его оставили в покое, то я думаю, что в этом случае, будет очень несправедливо вторгаться в его жизнь. Что вам от него нужно? Какое у вас есть право настаивать на том, чтобы он убивал свое время в праздной болтовне, когда его единственное желание это обрести мир и покой? Разве вы не осознаете, что некоторые работы требуют настолько большой затраты человеческих способностей, что у художника уже не остается сил предаваться светским удовольствиям? Но если у человека есть свободное время, и он отказывается следовать правилам этикета, то я вполне готов считать его поведение непозволительным оскорблением. Но, как правило, вы нуждаетесь в обществе такого человека и хвалите его только потому, что это приносит вам больше чести. Вам достаточно знать, что с этим человеком соблаговолил поговорить Папа или Император. Я честно скажу, что художник, который стремится удовлетворить запросы непросвещенных больше, чем служить своему искусству, не может быть достойным человеком. И то же самое можно сказать о художнике, в котором нет ничего странного или особенного, или, во всяком случае, тех проявлений, которые считаются странными и особенными. Что же касается неотесанных и неодухотворенных тупиц, то не нужен и фонарь, чтобы их разглядеть. Их полно во всем мире.

Виттория (*после некоторого молчания*): Все верно, если друзья художника подобны тем добрым людям античности... Аркесилас, например. Однажды он зашел проведать своего друга, Апелласа, который был болен и беден. Аркесилас приподнял голову друга, и, делая вид, что он поправляет подушку, положил под нее деньги. Спустя некоторое время старая служанка Апелласа обнаружила эти деньги и вскрикнула от удивления. Больной улыбнулся и сказал: «Ничего удивительного. Их положил туда Аркесилас».

Латтантио: Я знаю из личного опыта, что великие художники не променяют свою судьбу ни на чью другую. И их величие не имеет никакого значения, они довольствуются самой ничтожной платой за свое искусство. Я первый пожелал бы им богатства, но они сами чувствуют себя богатейшими из людей. Гений, обреченный быть великим живописцем, видит пустоту жизни и тщету удовольствий мнимых великих мира сего, тех великих, чьи имена

умрут вместе с ними, которые в течение жизни и не подозревали, что все лучшее в самой жизни прошло мимо них. Эти люди даже и не жили, несмотря на собранные ими богатства, тогда как гений, своими шедеврами, живет вечно. Гений умеет отказывать себе в обычных мирских удовольствиях, и по мере его устремления к той славе, которая никогда не привлекала посредственные умы, в нем растет чувство собственного достоинства. Император так не гордится созданной им империей, как гордится художник своим творением по воле божьей одной единственной работы. Императору не столь важно присоединить еще одну провинцию, насколько важно художнику добиться удовлетворительного воплощения в делах более трудных и неопределенных нежели завоевание колоний от Геркулесовых Столпов до реки Ганг. Императору легче подавить своих сильнейших врагов, чем художнику создать полотно, которое полностью выражает идею в его сознании. И император, пьющий из золотого кубка, не может быть счастливее художника, пьющего из глиняного сосуда. Однажды император Максимилиан помиловал приговоренного к смерти художника. «Я могу создать герцога или графа», сказал он замечательно, «но только Бог может создать художника».

Виттория: Я хотела бы получить Ваш совет, синьор Латтанцио. Следует ли мне попросить Микеланджело просветить меня по некоторым вопросам живописи? Мне кажется, что в подтверждение своего тезиса о том, что великие люди разумны и не эксцентричны, он не ответит мне в своей обычной манере.

Микеланджело (*обращаясь к Виттории*): Вашему Сиятельству достаточно только попросить то, что достойно быть ей предложено, и оно будет Ваше.

Виттория (*улыбаясь*): Чудесно, и поскольку мы уже начали этот разговор, то мне очень хотелось бы знать, что Вы думаете о Фламандской живописи. Мне лично кажется, что по своему настроению она более благочестива.

Микеланджело (*не торопясь*): Говоря вообще, Фламандская живопись удовлетворит набожных людей больше, чем то, что рисуется в Италии. Фламандская живопись вызовет у людей слезы, тогда как Итальянская часто не создает подобный эффект. И это происходит не столько за счет мощи и достоинства Фламандской живописи, сколько за счет восприимчивости очень набожных людей. Фламандская живопись безусловно покажется красивой женщинам, особенно уже пожилым и очень молодым, и, разумеется, монашенкам и другим ревнивым богомольцам, а также

представителям высшей знати, которые не слышат и не видят истинную гармонию произведения искусства. Во Фландрии рисуют так, чтобы как можно больше воздействовать на зрительное ощущение. Они выбирают объекты очаровательные сами по себе, или же персонажи, о которых нельзя сказать ничего плохого – такие как святые, или пророки... Они любят рисовать реки, мосты и очень зеленые поля, покрытые тенистыми деревьями – мы называем это пейзажами – помещая повсюду множество людей. Хотя большинству людей такая живопись может показаться очень эффективной, в действительности, она не является ни художественной, ни продуманной. В ней нет симметрии, выборочности, величия. Короче говоря, в такой живописи отсутствует сила, и однако есть места, где рисуют еще хуже, чем во Фландрии. И если я так критичен к Фламандской живописи, то это не потому, что она целиком плоха, а потому что, пытаясь изобразить столь много предметов с одинаковым совершенством, когда было бы достаточно выписать один выдающийся предмет, она не изображает ни один из них удовлетворительно. Термин «истинная живопись» может относиться только к работе сделанной в Италии. Именно поэтому хорошая живопись называется «Итальянской». Будь она также хороша в любой другой стране, она носила бы имя этой страны. В некотором смысле, хорошая живопись это акт преданности, ибо ничто так не облагораживает душу и не вызывает такое благоговение, как достижение совершенства. А совершенство, разумеется, приближает нас к Богу и соединяет с ним. Ибо хорошая живопись это всего лишь копия Божественного совершенства, всего лишь тень от его собственной кисти, отзвук музыки, возможно. Только самый живой и редчайший ум может почувствовать насколько безгранично это совершенство и как трудно его обрести. Лишь немногие сумели достичь его и воспроизвести. Я бы даже сказал, что климат Италии единственный в мире, в котором можно хорошо рисовать. Даже если бы в других странах появились гении более великие, чем наши, они не рисовали бы столь же хорошо, как это делают наши гении. И позвольте мне сказать вам почему. Возьмите любого хорошего художника из какой угодно страны и попросите его нарисовать, что угодно. А потом позовите нашего третьесортного ученика художника, и пусть он напишет все, что он хочет. И когда они оба закончат свои работы, сравните их. И вы увидите, что картина сделанная итальянским студентом будет художественно выше другой картины. Даже если бы сам Альбрехт Дюрер, утонченный художник, с неподражаемым стилем, захотел бы меня провести... или присутствующий здесь Франческо д'Оланда... выдавая свою имитацию за подлинно итальянскую работу, ему бы это не удалось, независимо от того, была бы эта картина хорошей, посредственной или плохой. Я сразу понял бы, что она не была нарисована в

Италии, и что это не работа итальянца. И потому я повторяю, что ни одна нация, ни один народ, за исключением одного или двух испанцев, не может надеяться скопировать или сымитировать как бы они не старались итальянскую манеру живописи, пришедшую к нам из древней Греции, но оригинальную, без следа заимствования. И если, каким-то чудом, иностранный художник научится хорошо рисовать, о нем можно будет сказать, даже если бы он и не имитировал итальянцев, что он рисует как итальянец. Таким образом, то, что известно нам как «итальянская живопись» относится не только к тому, что картина написана в Италии, а означает, что эта картина хороша и подлинна. И я повторю, что поскольку именно здесь создаются величайшие шедевры, более великие и благородные нежели те, что написаны в других странах, любую хорошую картину принято называть «итальянской», даже если она сделана во Фландрии или Испании. Разумеется, живопись, в подлинном смысле этого слова, приходит не из Италии, или какой другой страны, а с небес, но самые старые и наиболее многочисленные следы античности находятся именно в Италии, и я думаю, что именно здесь, живопись и закончится.

Франческо: По сути дела, Вы утверждаете, что живопись является исключительно собственностью Италии. Но что в этом удивительного? Всем известно, почему итальянцы рисуют хорошо, а другие – нет. Во первых, итальянец по своей натуре очень прилежный, и, если он талантлив, он приходит в этот мир, обладая вкусом и любовью ко всему тому, что обогащает его талант. А потом, выбрав для себя область искусства или науки, итальянец уже не хочет оставаться простым мастеровым. Он ищет пути и способы, как стать уникальным в своей области. Его единственное желание это утвердить себя как образец совершенства. Его никогда не удовлетворит посредственность, именно поэтому слово «посредственность» так презирается в Италии. Все стремятся стать орлами, парить выше других, стремиться к солнцу. Родиться в Италии это большое преимущество. Вы, итальянцы, оказываетесь в стране, которая одновременно и мать и хранитель всех искусств и наук. Какие великолепные образцы оставили вам ваши предки! Ни в одной стране нет ничего подобного. С самого раннего детства, гуляя по улице, какая бы склонность у вас ни была, вы видите красоту во всех ее проявлениях и учитесь ей. Уже в течение первых лет жизни вы привыкаете к восхитительным видам, на которые никогда не взирали старики в других странах. По мере взросления, ваши глаза настолько привыкают к мощи и признанности древнего искусства, что даже необразованные не могут сдерживать желание скопировать увиденное и подражать ему. Италия славится талантливыми мастерами, обладающие высочайшим вкусом, и вы,

итальянцы, можете учиться непосредственно у них. В ваших городах полно шедевров, и вы открываете для себя все новые и новые. Сравните себя с моим народом, с португальцами. Хотя некоторые из нас проявили талант и понимание искусства, мы создали так мало. У нас есть склонность высокомерно относиться к живописи, и даже стыдно признаться, что ты в ней разбираешься. В результате, португальская живопись просто несовершенна. Для итальянцев, что нельзя сказать о немцах и французах, стать неподражаемым художником, как и носителем любого другого редкого таланта, считается самым большим и похвальным достижением в жизни. Итальянская знать и принцы, мореходы и ученые, кардиналы и Папы славят только того, кто глубоко и уникально овладел своим искусством. О многих итальянских великих правителях уже забыли. Сегодня великим является Микеланджело, художник, которого считают «божественным». И еще я думаю, что итальянская живопись лучше всех других по той простой причине, что местным художникам платят так, как не платят нигде. В Италии можно получить за портрет тысячу *crusados*. И вам известно даже лучше, чем мне, что здесь больше платят и за другие виды живописи. (*Обращаясь к Виттории.*) Так что Вы видите, Ваше Сиятельство, какая огромная разница во всевозможных обстоятельствах есть между нашими странами в том, что касается живописи.

Виттория: Я это понимаю, но меня поражает, что при всех перечисленными Вами помехах, Вы рассуждаете и ведете себя как настоящий итальянец, а не как человек живущий за горами. И при всем различии культур, одни и те же самые понятия добродетели, добра и зла превалируют повсюду.

Франческо: Люди в моей стране безусловно удивились бы, услышав Вашу похвалу в мой адрес, когда Вы делаете различие между итальянцами и теми, кто, как Вы выразились, живут за горами. И однако, синьора, в Португалии есть красивые города, Лиссабон, например, где я родился. У нас хорошие обычаи, блистательный королевский двор, и отважные воины. У нас есть принцы одинаково великие как в военной, так и в мирное время. Но самое лучшее, что у нас есть, это могущественный король, который правит нами с величайшим спокойствием и заботится об отдаленных колониях, обратив в нашу веру их примитивные народы. Перед ним трепещет весь Восток, но именно он является покровителем изящных искусств. Заблуждаясь относительно моего скромного таланта, этот король отправил меня в Италию, чтобы я изучал здесь искусство и учился бы у Великого Микеланджело. Это сушая правда, что у нас нет ни прекрасных зданий, ни картин подобных вашим, но мы постепенно избавляемся от варварского

наследия готов и мавров . Я очень надеюсь, что, вернувшись домой, я сумею помочь приблизить наш уровень живописи и архитектуры к итальянскому. К сожалению, эти два вида искусства почти совсем утрачены в Португалии. В них нет вашего блеска и славы, и они настолько запущены, что в них мало кто разбирается. Значительное исключение составляют наш король, поощряющий буквально все, что заслуживает его внимания, инфант Дом Луис, а также его высокообразованный брат, который отличается великолепным вкусом и разбирается в искусстве. Никто кроме них искусством не интересуется и не занимается.

Микеланджело: За это их можно только похвалить.

Латтанцио: У нас, итальянцев, есть действительно огромное преимущество по сравнению с другими странами: мы учились совершенству и мы чтим благородные искусства и науки. Но не забывайте, Мастер Франческо, что, если человек не знает и не уважает живопись, то виноват в этом он сам, а не великое и прославленное искусство. Разумный человек спорить с этим не станет. Разрешите мне привести несколько примеров в поддержку моего аргумента. Могущественные императоры и короли, мудрецы и философы, самые знающие люди – все они почитали живопись. Они гордились своим пониманием этого искусства, воспевали его, оказывали ему неслыханное покровительство. Посмотрите в каком почете находится живопись у нашей Святой Матери, церкви, как чтут этот вид искусства Папы и кардиналы, великие принцы и прелаты. И Вы увидите, что на протяжении всей истории ничто не вызывало такое восхищение у народа как живопись. Очень часто его часто считали истинным чудом. Прославленные короли, такие как Александр Великий, Деметриус, Птолемей гордились своими большими знаниями искусства. Вспомните о многих Цезарях, которые превозносили искусства: великий Цезарь, Август, Агрипп, Клавдий, Калигула, даже Нерон, у которого это была, возможно, единственная добродетель. И Веспасиан, и Тит, который приказал написать всемирно известные полотна для Храма Мира, после победы над иудеями и разрушения Иерусалима! А великие императоры Траджан и Адриан, который, согласно Греку Диону, сам создал изящный куст? А Марка Аврелий, учившийся живописи у самого Диогенитуса, как нам повествует Юлий Капитолинус? Гелий Лампридиу говорит нам о том, что император Александр Северус нарисовал полную генеалогическую галерею в доказательство того, что он произошел из семье Меттелус. Плутарх пишет, что великий Помпей начертил в Мителине план и изобразил полную структуру театра, который был позднее воспроизведен в Риме. Разумеется, такое великое искусство как живопись не нуждается ни в

чьей защите, оно достойно поклонения само по себе. Я привел эти примеры исключительно для того, чтобы показать несведущему человеку, который, возможно считает, что живопись недостойна его понимания, что были другие люди, более великие, чем он, которые высоко чтити это искусство. Кто осмелится сравниться с Александром? Кто превзойдет великие деяния Цезаря? Кто может надеяться достичь славы Помпеев и Траджанов? И однако и Александры и Цезари не только любили и поощряли этот возвышенный вид искусства, но и практиковали его собственными руками. Как можно быть настолько высокомерным, чтобы пренебрегать этим искусством? Как можно не испытывать смирение перед его мощью?

Виттория: Сыщется ли на белом свете хотя бы один разумный и добродетельный человек - мы не говорим о святом отшельнике – кто не испытал бы благоговения перед этим освященным искусством? Оно достойно бесконечного восторга. Живопись оживляет грустную душу. Она напоминает как святым, так и грешникам, о человеческих страданиях. Живопись вызывает угрызения совести у самых жестоких и бессердечных. Она вынуждает смиренных к покаянию и склоняет пытливый ум к размышлению. Она возбуждает страх и вызывает раскаяние. Она пугает нас адскими пытками и, насколько это возможно, рисует неземное блаженство, и покой благословенных, и непроницаемый лик Господа. Ничто так хорошо не изображает смиренность святых, стойкость мучеников, целомудренность девственниц, неземную красоту ангелов, и любовь и благостыню, которые озаряют душу серафима. Живопись возносит наш дух до небес и открывает нам Вечное Царство. Она напоминает нам о существовании великих людей, кости которых уже давно истлели. Она вдохновляет нас на подобные деяния, когда мы представляем себе глубину их чаяний и поступков, те опасности, которые подстерегали их в битвах, их благочестие, их образ жизни, их великие свершения. Живопись открывает воинам историю ведения войн в другие времена и вызывает в них стремление стать полководцами не менее славными, чем их предки. Тому свидетельство сам Сципион Африканский. Живопись сохраняет память о живущих для тех, кто последует за ними. Она дает нам представление о необычных и древних обычаях, о разных далеких народах, о всевозможных строениях, животных и даже чудовищах. Понадобилось бы бесчисленное количество слов, чтобы все это описать, но и их не хватило бы для полного понимания. Но благородное искусство живописи идет еще дальше. Она дает нам возможность увидеть живое воплощение любого великого человека, действия которого вызывают наше огромное желание увидеть его своими глазами. Она приближает отдаленную от нас красоту, и именно это озадачило Плиния. Сохраняя нарисованный

образ, живопись прибавляет много лет жизни тому, кто из жизни ушел. Портрет любимого мужа утешает скорбящую вдову, которая видит перед собой его подобие. И сыновья, которые рано остались без отцов, дорожат повзрослев, сохраненным для них обликом любимого отца. И менее вероятно, что они опозорят память о нем.

(Витториа замолкает, растроганная почти что до слез; Латтанцио, дабы отвлечь ее от ее собственных воспоминаний, продолжает рассуждать.)

Латтанцио: А кроме этих удивительных особенностей живописи, существует ли на земле другое искусство, которое может так облагородить и украсить храмы и дворцы, оружие и крепости – все, что органично совместимо с красотой. Именно поэтому великие умы утверждали, что живопись это единственная гарантия бессмертия человека в его поединке со временем. Об этом же думал и Пифагор, когда он сказал, что люди бессмертны как боги только в трех проявлениях: в обретенном знании, в живописи и в музыке.

Микеланджело *(поворачиваясь в Франческо)*: Я уверен, синьор Франческо, что если бы Ваши сограждане в Португалии смогли увидеть прекрасные полотна, которые висят во многих итальянских домах, они не были бы столь глухи к музыке этого искусства. Они сразу его оценили бы, и захотели бы ему подражать. Впрочем, поскольку они никогда его не видели и у них этого искусства нет, то совсем неудивительно, что они его не понимают и не ценят.

(Микеланджело встает, замечая, что ему пора уходить. Витториа тоже встает, и Франческо, бесцеремонный как и прежде, просит ее пригласить к себе в Монте Савалло этих же людей и на следующий день. Витториа дает согласие, и Микеланджело обещает, что он придет. Мужчины и Витториа доходят до ворот, и Латтатио сопровождает Микеланджело до дома. Франческо доводит Витториа до ее монашеского жилища и оставляет ее там в обществе богомольцев, а сам возвращается к себе домой.)